

УДК 81'37

Бредихин Сергей Николаевич

ТРАНСЛЯЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИМВОЛА И ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ: ИНТЕРПРЕТАТИВНОЕ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ

В статье проведен анализ феноменов языковой игры и символа в процессе порождения многомерного смысла в текстах исходного языка и наиболее эффективных возможностей трансляции в другую лингвокультуру. Исследование строится на принципах ноэматической и феноменологической рефлексии как основ декодирования смысла.

Ключевые слова: декодирование, деривационные модели, философский дискурс, трансформации смысловой суперструктуры, языковая игра.

Bredikhin Sergey N.

SYMBOLIC AND LANGUAGE GAME TRANSLATION POSSIBILITIES: INTERPRETATIVE SENSE DERIVATION

The aim of this study is to analyze the phenomenon of language games and symbol in the process of sense derivation in the original texts and the most efficient possibilities of sense transaction in the receiving linguoculture. The analysis is based on the principles of noematic and phenomenological reflection as a basis for sense decoding.

Key words: decoding, derivation models, philosophical discourse, sense superstructure transformation, language game.

«Специфика философии проявляется в особенностях ее языка, который отличается как от «языковой» практики «образного» мышления Мифа, так и от «понятийного» (знаково-денотативного) языка науки (теории). Собственно в этом нет ничего удивительного, если предположить отличие философии как от Мифа, так и от Науки. В историческом плане феномен философии занимает «пограничное» положение между феноменами исчезающего Мифа и возникающей Науки» [2, 44].

Философия «работает» с символами, т. е. такими видами знаков, которые характеризуются минимумом денотативности и максимумом смысловости. Так называемый метод «языковой игры» предназначен для прояснения смысла философских символов за счет построения некоторой системы само-ссылающихся друг на друга философских терминов. Смысл конкретного элемента существует лишь при наличии других элементов системы (общего структурированного ряда). Ноэматическая структуризация смысла продолжает традицию прояснения глубинных структур смысла и рас-предмечивание узловых элементов системы.

Философский язык чрезвычайно сложен и может включать в себя разные проявления языковой игры и использования символики, порой неузуальной, базирующейся на актуализации периферийных ноем в суперструктуре смысла, вербализации личностного, интуитивного. На примере немецкой экзистенциальной философии можно проследить разнообразные средства, используемые в вышеозначенных целях. Эти средства очень разнообразны и относятся как к уровню самого языка, то есть философ, используя продуктивные способы словообразования, создает новые слова со сдвигами в структуре значения, порождая тем самым окказиональные смыслы. Появляющиеся таким образом окказионализмы представляют собой особую сложность для перевода, так как они еще не имеют зафиксированных значений в словарях и их значение выводится лишь из контекста, однако и использование горизонтального контекста не всегда приводит к верным решениям, необходимо учитывать и вертикальный контекст, а также использовать правильные акты интендирования при интерпретации и воспроизведении имманентного многомерного смысла. Приведем пример: *Wenn die Erfahrung der Inkommunikabilität dasjenige Moment ist, was für uns den Einsichtsgewinn des 18. Jahrhunderts zusammenfassen kann, ist sie jedenfalls nicht als Errungenschaft gefeiert und nicht in den Code passionierter Liebe aufgenommen worden* [5, 163]. – *Если неспособность к коммуникации является именно тем маркером, который позволяет нам суммировать суть взглядов 18 столетия, это никоим образом не может считаться достижением и быть включенным в средства кодировки бескорыстной любви.*

Данное высказывание предлагает для анализа несколько приемов, примененных автором. Так, например, словосочетание *passionierter Liebe* по аналогии с английским и французским языками, могло быть переведено как «страстная любовь», так как в обоих языках слово *passion* означает

«страсть». Но добавленный автором суффикс *-ieren* отсылает нас к понятию «терпение», и соответственно, данное словосочетание должно переводиться именно как «бескорыстная любовь». Еще одним показателем правильности подобного переводческого решения перевода являются правильно избранные акты интендирования при интерпретации понятия, вовлекающие работу с прецедентными текстами и лингвокультурный фон европейской мыслительной традиции, поскольку известно, что в XVIII веке как в литературе, так и в общественной жизни преобладал романтизм, стремящийся к искренности, мистицизму, народности. В декодировании и интерпретации высказывания посредством метатеоретического подхода и применении филологической феноменологической герменевтики кроется успех распрямления многогранности смысла в данном высказывании.

Следующим примером языковой игры в данном предложении может служить авторский окказионализм *Inkommunikabilität*, интерпретированный как «неспособность к коммуникации». Эта лексема представляет особый интерес по причине возможности проведения этимологического переразложения на основе разноструктурных языков. Само слово *Kommunikabilität* уже является ярким примером смешения немецкой основы и заимствованного в средневерхненемецкий период при посредничестве французского языка латинского суффикса *-able*, обозначающего способность к чему-либо. Значит, *Kommunikabilität* в данном случае означает «способность к ведению коммуникации». Однако, приставка *in-*, заимствованная уже из английского языка, на наш взгляд указывает на отрицание, соответственно, перевод слова меняется на антонимический, и, соответственно, слово целиком конструируется как «неспособность к коммуникации» или «отсутствие коммуникации».

Если же рассматривать предложение в целом, можно говорить о большом количестве трансформаций, в частности функциональных замен, примененных для того, чтобы и в русской лингвокультурной и философской традиции это предложение было понятным и несло если не идентичный, то аналогичный смысл, обладая социо-прагматическими характеристиками, присущими оригинальному высказыванию.

Нарочитое отсутствие логичности связывания компонентов философского смысла и его имманентность является одной из важнейших характеристик философского дискурса. В этом отношении показательным является порождение философских метафор с новым внутренним глубинным содержанием, и абсолютной невозможностью интерпретации как в устоявшемся, так и в контекстуальном эквиваленте, без утраты скрытого в узловых элементах структуры смысла. Следующий пример ярко это иллюстрирует: *Eine andere Hürde liegt in der Auffassung der individuellen Persönlichkeit selbst* [5, 166]. – Другая трудность заключена в точке зрения самого индивидуума.

Eine andere Hürde в высказывании невозможно интерпретировать как «другой барьер» по причине метафорического переноса в семантике последнего компонента, актуализированные периферийные нозмы, определяющие общие характеристики в понятиях «барьер», «преграда» и «сложность» переходят в ядро смысловой структуры и при вербализации в другой лингвокультуре проявляются в нозмах-доминантах, определяющих понятие «трудность», это может строиться на основе семантической несочетаемости – ведь точка зрения не может создавать барьеров, однако является причиной сбоев в процессе коммуникации. В данном случае трансформация в виде функциональной замены лексемы необходима в силу радикальных различий в возможностях семантической сочетаемости элементов в немецкой и русской лингвокультурах. В следующем высказывании наблюдается нейтрализация стилистической окраски немецкого словосочетания по сравнению с русским: *Erst allmählich wachsen Einsichten in die prägenden Einflüsse von Umwelt, Milieu, Erziehung, Reisen, Freundschaften nach, und erst am Ende des Jahrhunderts (und eigentlich nur in der deutschen Philosophie) werden jene Radikalformeln gefunden, die die Welthaftigkeit des Ich und die Subjektivität der Weltentwürfe behaupten* [5, 167]. – Лишь с течением времени происходит ознакомление с распространяющимися воздействиями окружения, условий жизни, воспитания, путешествий, дружбы, и только в конце столетия (и, собственно, только в немецкой философии) находят радикальные формулы, устанавливающие всеобъемлющее собственное «я» и субъективность картин мира.

Данное высказывание изобилует приемами репрезентирующими движение мысли автора. Одним из таких приемов является олицетворение, которое однако в русской лингвокультуре не находит своего аналога вследствие различия в наборе нозм-культурных-основ. Словосочетания *Einsichten wachsen*, в дословном переводе – «взгляды растут», в переводе было заменено более сложным словосочетанием – «происходит ознакомление». В данном случае при интерпретации возможно довольствоваться лишь горизонтальным контекстом и нозматической рефлексией, так как дальнейшие факторы указывают на появление и развитие определенных взглядов в историче-

ском процессе. Кроме того, лексема *Welthaftigkeit*, являющееся окказионализмом, не может быть переведено лишь исходя из значений его компонентов, хотя именно они и наводят нас на верное значение, указание, намек являются характерной чертой множества философских текстов – вербализация онто-онтологических картин не всегда возможна, лишь при появлении третьего уровня абстракции мы можем разрешить данное противоречие. Первая часть лексемы не составляет труда – «мир», но вторая – *Haftigkeit* – является ярким примером новообразования – существительное, образованное от глагола *haften*, что означает «быть ответственным за что-либо», «оставаться (например, в памяти)», «охватывать». Исходя из того, что мы имеем дело с философским дискурсом, можно предположить, что данный конструкт может быть окказиональным обозначением философского понятия «всеобъемлющего».

Еще одним примером феномена языковой игры можно считать часть следующего высказывания: *Im Bereich der Liebessemantik fällt vor allem auf, dass die alte Differenz in der Formentypik der Semantik, der Unterschied von Idealisierung und Paradoxierung, in einer neuen Einheit aufgeht* [5, 50]. – В области любовной семантики, прежде всего, бросается в глаза то, что старая разница в возможности реализации семантики восходит к различию между идеальным и парадоксальным в новом единстве.

В первую очередь, следует сказать, что лексемы *Idealisierung* и *Paradoxierung*, были созданы по одной словообразовательной модели. Разница заключается лишь в том, что слово идеализация в русском языке и его немецкий аналог *Idealisierung*, закреплены в словарях и не представляют трудности для перевода. Слово же *Paradoxierung* – яркий пример окказионального новообразования, на наш взгляд, следует переводить по аналогии со словом «идеализация», хотя ни в русском, ни в немецком языках не существует слова, описывающего процесс парадокса, ведь этимологически сочетание суффиксов *-ier* и *-ung*, вербализирует процессуальность отыменного производного существительного. Поэтому, чтобы передать имманентный смысл данных конструктов, необходимо применять конверсию в трансляции многомерной структуры в русской лингвокультуре, в частности в языке перевода два данных термина лучше было передать прилагательными в функции существительных, применив вторичную номинацию, что соответствует норме переводящего языка.

Для философских текстов частотны функциональные замены при переводе некоторых понятий. В следующем высказывании лексема *Selbstbildung*, могла бы означать «самообразование» или «самоформирование» на самом деле должно переводиться как «формирование собственного «я»». Понять это нам помогает именно вертикальный контекст, наличие в философском дискурсе большого количества сложных, наполненных неузуальным смыслом понятий.

Die Sozialität des Liebens wird somit als Steigerung der Chance zur selbstbewussten Selbstbildung begriffen – was zu einer definitiven Absage an das Konzept der Selbstliebe führt [5, 172]. – Социальность любви понимается, таким образом, как увеличение шансов на уверенное формирование собственного «я» – что ведет к окончательному отказу от концепта самолюбования.

Рассмотрим еще один пример: *Reflexivität des Liebens ist also mehr als ein einfaches Mitfungieren des Ichbewußtseins in der Liebe, mehr auch als das bloße Bewußtsein der Tatsache, dass man liebt und geliebt wird* [5, 175]. – Самоанализ в любви является больше чем простым содействием осознанию собственного «я» в любви, больше также чем простым осознанием того факта, что можно любить и быть любимым.

В данном высказывании представлено множество авторских окказионализмов, произведенных однако по устойчивым деривационным моделям, таких как *Reflexivität* или *Mitfungieren*, однако, если эти конструкты можно интерпретировать исходя из их основ, зная, например, что *Reflexion* – это «отражение» или «самоанализ», а глагол *fungieren* – переводится как «выступать в качестве чего-либо», то перевод слова *Ichbewußtsein* представляет трудность и нуждается в применении определенных трансформаций. В данном случае целесообразным является применение смыслового развития на основе актуализации ноем-доминант и базисном применении этимологического переразложения как трансформации суперструктуры смысла, *Ichbewußtsein* в данном случае должно быть переведено как «осознание бытия собственного «я»».

Для философских текстов характерными являются и заимствования из других языков. При чем заимствуются не только целые слова, но и определенные части слов, в частности приставки и суффиксы, что затрудняет работу по вербализации смыслов при трансляции в другую лингвокультуру: *Alles, was man zu sein, zu bleiben, was man durchzuhalten sucht, erstarrt zur hölzernen Hand, mit der man nicht lieben kann; oder dann zur Eitelkeit, die den amour passion durch den amour de vanite*

ersetzt [5, 177]. – *Все, чем человек пытается быть, остаться, что пытается сохранить, разбивается о быт, когда уже невозможно любить; или превращается в тщеславие, которое заменяет amour passion на amour de vanite.*

Французские «разновидности» любви приведены в данном высказывании не случайно. Нам кажется, что при переводе эти французские понятия необходимо оставить без перевода, так как реципиент, знакомый с французским языком и философией лучше воспримет интенциональную амфиболию автора, имманентно предпосланную данному высказыванию, а для усредненного реципиента необходим переводческий комментарий, что также даст возможность в полной мере понять замысел автора.

В следующем примере аллюзия отсылает нас к произведению Стендаля. Это, во-первых, отсылает нас к французской философии XVIII–XIX веков, четко указывая книгу и главу, где описываются определенные события. Следовательно, философские тексты необходимо переводить не только с достаточной долей «креативности», но и использовать знания различных языков и фоновые знания по многим предметам, в частности здесь по истории философских учений: *Wir können uns hier an Stendhal halten, und zwar an das Kapitel XXXII De l'intimite in De l'amour (1822)* [5, 176]. – *Здесь мы можем придерживаться позиции Стендаля, а именно главы XXXII книги De l'intimite in De l'amour (1822).*

Два следующих примера показывают нам заимствования уже из английского языка, хотя очень схожи с предыдущим тем, что теперь автор указывает нам на английскую философию того времени и дает определения философским понятиям, распространенным в тот период в английской аналитической философии. Автор приводит здесь имя философа Бейтсона, изучавшего процесс коммуникации, что еще раз определяет основную идею всей книги – изучение процесса коммуникации в его историческом развитии и его особенности в зависимости от определенных факторов: *Anders als je zuvor wird damit die Differenz persönlich/unpersönlich zur konstitutiven Differenz, das heißt zu derjenigen Differenz, die im Sinne der Definition von Bateson (difference that makes a difference) den Informationen ihren Informationswert gibt* [5, 205]. – *Совершенно иначе чем когда либо ранее конституируется разница между личностным и безличным, то есть превращается в сущностное различие, которое, согласно определению Бейтсона (difference that makes a difference), придает информации ее ценность.*

Следующий пример, показывающий нам заимствование из латинского языка, также вызывает к фоновым знаниям переводчика и реципиента. Возможно, автор использовал данное заимствование, чтобы четче показать противостояние данных понятий.

Das wird zunächst, in allgemein gehaltenen, individuell ausfüllungsbedürftigen Begriffen wie Glück, voluptas/taedium festgehalten [5, 174]. – *Сначала это фиксируется в общих, но индивидуально воспринимаемых понятиях как счастье, voluptas/taedium.*

В данном случае использование антонимов автором преследовало прагматическую цель – подчеркнуть неизменчивость, и актуальность данных проблем – *voluptas/taedium* – неразрывно связаны друг с другом.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что многомерный смысл философского высказывания, основой которого является символизм и языковая игра, имеет в качестве базовых интерпретативных характеристик вертикальный контекст и интенциональную амфиболию, для порождения из ограниченного набора ноем периферии, ноем-доминант и ноем-культурных-основ путем актуализации тех или иных узловых элементов абсолютно новых неузуальных понятий философского дискурса.

Литература

1. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 516 с.
2. Катречко С. Л. Философия как «языковая игра» // Материалы XI Международной конференции «Логика, методология, философия науки». М.– Обнинск, 1995, Т. 5. С. 44.
3. Кузнецов В.Г. Герменевтическая феноменология в контексте философских воззрений Густава Густавовича Шпета // Логос № 2. 1991. Феноменология. М.: Изд-во «Дом интеллектуальной книги», 1991. С. 199–214.
4. Наер В. Л. Понимание и интерпретация (к основам интерпретации текста как аналитической деятельности) // Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 459. Проблемы современной стилистики. М.: 2001. С. 3–13.
5. Luhmann N. Liebe als Passion: Zur Codierung von Intimität. Fr./M.: Suhrkamp Verlag, 1982. 232 p.
6. Russel B. «On Denoting» in The Philosophy of Language (3 edition), A. P. Martinich (ed.), Oxford University Press, 1996. P.204–205.